К. Валентиновъ.

МЫ ЕЩЕ ПРИДЕМЪ!

О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ,

„ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА“ и „ЦАРЬ-ГОЛОДЪ“

Л. Андреева.

Москва.
1908.

Типографія „Русскій Трудъ“. Арбатъ, д. Буровой.

Литературная вакханалія современности.—Трагедія „Я“. Въ погонѣ за новымъ „**Жизнь Человѣка**“ и смыслъ жизни человѣка.—„**Царь-Голодъ**“ и соціальный трагизмъ.—Гдѣ выходъ?—„**Мы еще придемъ!**“

I. Литературная вакханалія современности.

„Да молчитъ всякая плоть человѣческая, теперь я говорю!“

Приблизительно съ заявленіемъ такого характера выступила беллетристическая литература на книжный рынокъ осенью прошлаго года. Выступила со „звономъ, стономъ, перезвономъ“ и, дѣйствительно, словно метлою провела по витринамъ книжныхъ магазиновъ. Марксъ, Энгельсъ и Каутскій исчезли съ передовыхъ позицій этихъ витринъ, а на ихъ мѣсто, кокетничая „обложками, заставками и концовками“ художника такого-то, стрѣляя глазками и жеманясь, полѣзли разсказы Арцыбашева, Каменскаго, Ремизова, М. Кузмина, стихи Городецкаго, Година, Рославлева, Рукавишникова и прочихъ писателей, имена же ихъ ты, Господи, вѣси! Въ глазахъ запестрѣло отъ „Приключеній Эме-ле-Бефовъ“, „Лимонарей“, „Прудовъ“, какихъ-то „Бѣсовскихъ наваждeній“ и прочаго, адски трескучаго, адски крикливаго, шумливаго, назойливаго и неурядливаго. Бобчинскіе и Добчинскіе точно въ скачку пустились съ препятствіями, и если Бобчинскіе, мчась въ карьерѣ,

удивляли міръ своими „Крыльями“, то Добчинскіе, дрожа отъ страха, какъ бы не отстать, увѣряли о своихъ авторскихъ правахъ на „Леду“, „Четыре“ и на „Почтенный домъ“. Знайте, это—Добчинскаго творенія!

Вся эта литературная вакханалія—симптомъ, показатель опредѣленныхъ настроеній, опредѣленнаго интереса и направленій этого интереса. Каждая эпоха, каждый моментъ этой эпохи всегда находитъ отстой себѣ, болѣе или менѣе чуткое отраженіе въ литературѣ. „Книги“ говорятъ о „людяхъ“, о настроеніяхъ, желаніяхъ, стремленіяхъ людей. Еще совсѣмъ недавно, какихъ-нибудь шесть лѣтъ назадъ, даже „глупые“, „жирные“ пингвины до-устали учили наизусть горьковскаго „Буревѣстника“ и вмѣстѣ съ нимъ плакали, ожидая „сѣдаго отъ пѣны моря“. Теперь надъ успокоившимся отъ грозныхъ бурь моремъ русской общественности,—а бури дѣйствительно были,—сидятъ..... октябристы, а поклонники „Буревѣстника“, забывъ поэтическій образъ борющагося, смѣлаго и идейнаго „я“,—требуютъ новаго, новыхъ пѣсенъ, новыхъ звуковъ. Какихъ только? Es ändert sich die Zeit...

И вотъ если судить по книгамъ о людяхъ,—о чемъ скажутъ намъ книги?

Первое, что бросается въ глаза, какъ характерное въ современной россійской беллетристикѣ,—это—ростъ эротическихъ увлеченій. Особое смакованіе половой проблемы, особое описаніе различныхъ случаевъ половыхъ отношеній вплоть до отношеній гомосексуальной

любви. Г-нъ Кузминъ, напримѣръ, выдвигаясь своими „Крыльями“, легкими, но любовными штрихами обрисовываетъ подъ эллинизмъ подогнанную идеологію омерзительно-отвратительныхъ стремленій героя романа его Штруппа.

Г-нъ Каменскій въ „Ледѣ“, въ „Четырехъ“, „Почетномъ домѣ“ и т. д. наполняетъ страницы этихъ произведеній „тонкимъ“ описаніемъ „парижскаго жанра“. Г-нъ Арцыбашевъ въ яркихъ краскахъ описываетъ въ „Санинѣ“ уѣздный городъ, чуть ли не всѣ жители котораго одержимы постоянно болѣзненнымъ половымъ возбужденіемъ. И это не въ одномъ произведеніи и не у одного автора, а у десятковъ авторовъ. У Чехова въ „Ивановѣ“ графъ Шабельскій, отправляясь къ Лебедевымъ, увѣренно держитъ пари, что „какъ пріѣдетъ, Зюзюшка сейчасъ же начнетъ угощать насъ кружовеннымъ вареньемъ“. Шабельскій знаетъ, что Зюзюшка наварила нѣсколько бочекъ этого варенья! Любой читатель современной ходкой беллетристики, изъ двадцати книгъ прочтя три, также увѣренно можетъ держать пари, что и въ остальныхъ семнадцати онъ найдетъ въ изрядномъ количествѣ то же „кружовенное варенье“. „Кружовенное варенье“ въ разсказахъ, повѣстяхъ, романахъ. „Кружовенное варенье“ и въ стихахъ, гдѣ пальма первенства отвоевана г. Вяч. Ивановымъ, раздѣлывающимъ подъ гармонику Veneris Figurae:

„Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три обряда,
Гдѣ страстная ранитъ разно многострастная услада,
На два пола — знакъ Раскола — кто умножитъ, можетъ счесть:
Шестьдесятъ и шесть объятій и шестьсотъ пріятій есть“.

А рядомъ съ этимъ подвизаются „родные по духу“ философы, критически-мистическимъ способомъ обосновывающіе и анализирующіе ту же „кружевенную“ проблему. Такъ, г. Чулковъ въ статьѣ о „Тайнахъ любви“ глубокомысленно разсуждаетъ о томъ, что „природа поцѣлуя заключаетъ въ себѣ потенціально всѣ формы полового общенія“ и что „всѣ стадіи и формы поцѣлуя“ нужно принимать „вторымъ цѣломудреннымъ пріятіемъ“. Дальше, очевидно, гдѣ-то подслушавъ, что у Гегеля есть слово „дурная безконечность“ („Schlechte Unendlichkeit“), г. Чулковъ быстро его подхватываетъ и столь же быстро налѣпливаетъ на свою философію. Изъ пойманнаго словечка составляется чуть ли не теорія, и мы слышимъ тогда слова пиѳіи, изрекающей: „развитіе любовныхъ и брачныхъ отношеній лучше всего характеризуется какъ уходъ изъ дурной безконечности“. А что такое эта дурная безконечность съ точки зрѣнія „Тайнъ любви“, г. Чулковъ это поясняетъ: дѣторожденіе *).

Столь же глубоко-философски разсуждаетъ и другой

*) „Факелы“. Книга II, ст. „Тайны любви“, стр. 223.

идеологъ эротоманіи, г. Н. Бердяевъ. Нужно различать,— поучаетъ онъ,—„экстатическое“ сладострастіе Афродиты небесной и сладострастіе Афродиты простонародной. Въ высшей формѣ любви лежитъ „мистическая чувственность, непосредственная радость касанія и соединенія“. Сладострастное томленіе „есть мистическое предчувствіе блаженства всеобщаго вліянія въ Богѣ“ *) .

Дальше за фактами идти, полагаемъ, не нужно. „Кружевенное варенье“, которымъ угощаетъ читателя современная художественная литература—въ поэзіи и прозѣ, находитъ свое обоснованіе въ соотвѣтствующей философіи. Циклъ движенія законченъ: отъ—до, и мы имѣемъ предъ глазами настоящій эротическій походъ съ трескомъ барабановъ, подъ флагомъ—все прощающей—мистической метафизики. Походъ отвратительный... И пусть не оправдываютъ его тѣмъ, что объектъ искусства не имѣетъ предѣловъ, что искусство имѣетъ своимъ предметомъ жизнь во всемъ ея размѣрѣ, въ полнотѣ всѣхъ своихъ фактовъ, а слѣдовательно, и половыя отношенія во всей ихъ жизненной данности. Противъ этого мы не возражаемъ, но хотимъ лишь отмѣтить, что въ искусствѣ есть два способа отношенія къ изображаемымъ явленіямъ. Способъ истинно-художественный, пробуждающій въ насъ, какъ указываетъ Гюйо, наиболѣе глубокія ощущенія—съ одной стороны, наиболѣе нравственныя чувства и наиболѣе высокія идеи ума—съ другой. И спо-

*) „Перевалъ“, № 6. „Метафизика пола и любви“, стр. 23—33.

собъ такого и съ такими намѣреніями изображенія жизни, который апеллируетъ къ нашимъ низменнымъ чувствамъ и будитъ въ насъ животные инстинкты. Могутъ сказать на это, что есть еще одно отношеніе къ художественному творчеству, разсматривающее его какъ нѣчто само по себѣ данное, безотносительное и обычно формулируемое положеніемъ „искусство для искусства“. На это тотъ же Гюйо прекрасно отвѣчаетъ, что „если есть въ искусствѣ что-либо поверхностное и достойное порицанія“, такъ это именно „игра воображенія ради самой игры“, искусство для искусства, безразличная, по отношенію къ оцѣнкамъ, смѣна и пляска образовъ“ *).

И мы говоримъ, что современная беллетристика, трактуя о половыхъ отношеніяхъ, становится не на точку зрѣнія эстетически и этически „чистаго“ искусства, а на точку зрѣнія порнографическаго сюсюканія надъ фактами. И въ самомъ дѣлѣ: когда намъ изображаютъ, какъ „кричитъ тѣло“ и что его нужно какъ-нибудь накормить, когда художникъ съ затаеннымъ дыханіемъ разсказываетъ про своего героя, какъ онъ „уже не можетъ и не хочетъ“, а все-же и т. д.; когда намъ до мельчайшихъ подробностей разсказываются признаки опредѣленнаго рода возбужденія,—что это какъ не порнографическое сюсюканіе? Или, можетъ-быть, самый объектъ изслѣдованія по природѣ своей таковъ, что исключаетъ возможность иной трактовки, иного отно-

*) См. Гюйо. „Очеркъ эстетики“, стр. 64.

шенія? Разумѣется, нѣтъ. Объектъ, такъ сказать, самъ по себѣ, безразличенъ, а вотъ изображеніе его находится всецѣло во власти *намѣреній* изображающаго.

Мнѣ, напримѣръ, извѣстна статья г. А. Чуйко, ставящая себѣ „ведекиндовскую" задачу—дать дѣтямъ, не прибѣгая къ „аистамъ", отвѣтъ на „щекотливый" вопросъ: „откуда берутся маленькія дѣти?" *). И если г. Чуйко справился съ этой темой, если въ его статьѣ, несмотря на рядъ, какъ уже указывалось критикой, недочетовъ, мы имѣемъ нѣкоторое полезное пособіе для воспитанія дѣтей, а не для ихъ развращенія, то это, думается намъ, находится въ тѣсной зависимости отъ пониманія г. Чуйко отвѣтственности ставимой имъ задачи. Возьмите далѣе книги А. Фореля „О половомъ вопросѣ" и сравните съ ними литературу „Тайнъ жизни" по аналогичнымъ вопросамъ. Какое громадное различіе, какая пропасть между способами трактовки вопросовъ! „Какъ чисты" первыя, такъ грязны и порнографичны послѣднія. И это различіе имѣетъ своей причиной опять тѣ же „намѣренія" изображающаго: я, напримѣръ, совершенно не представляю себѣ, во что бы обратилась тема Андреевской „Тьмы" въ рукахъ, напримѣръ, ну хотя бы г. Каменскаго....

Но audiatur et altera pars!.. Нужно выслушать и другую сторону, а противная сторона не только защищается,

---

*) А. Чуйко, Къ нашимъ дѣтямъ, вып. 8-й „Свободнаго воспитанія и образованія" подъ ред. Горбунова-Посадова.

но и нападаетъ. Обычныя обвиненія насъ,—говоритъ она,—въ порнографіи имѣютъ своей причиной мѣщанское морализированіе. Въ данномъ вопросѣ мѣщанскіе традиціи сталкиваются съ эллинской „реабилитаціей плоти". И мѣщанство не въ силахъ одолѣть эллинизма, вопитъ о цинизмѣ и пр. Такова философія многихъ героевъ современной беллетристики,—вспомните хотя бы разсужденія Леды Каменскаго, Штруппа у Кузмина, да и того же Санина. Однако, позвольте спросить, какой эллинизмъ одухотворяетъ похожденія поручика Нагурскаго? Кто найдетъ „эллинизмъ" у гг. Штруппа, Юрія Сварожича и прочихъ, имя же имъ легіонъ? Неужели Леда эллинистка только потому, что она изрекаетъ съ паѳосомъ рѣчи на тему о ненужности „запрятывать тѣло въ полотняные мѣшки" и съ ненавистью говоритъ о „комнатной любви съ ея приспущенными фитилями лампъ"? Пусть г. Каменскій не заговариваетъ зубовъ: его Леда ясна. Это не эллинистка, бунтующая противъ обычной морали, а олицетвореніе разврата, подымающаго борьбу противъ запретнаго, прикрытаго, прозаическаго разврата во имя разврата откровеннаго, открытаго, несприятнаго. Въ этомъ все дѣло: „вѣрую въ мясо и его вождѣленія" (Уитманъ) и только. А эллинизмъ, если брать его философію, его пантеистическіе восторги, его принципы радостной, красивой, полной жизни, его стремленія къ божественной гармоніи души и тѣла, человѣка и природы—здѣсь рѣшительно не при чемъ.

II. Трагедія „Я“.

Рядомъ съ проповѣдью вѣры въ „мясо и его вожделѣнія“ идетъ въ современной беллетристикѣ безумное галопированіе на идеѣ „я“. Читателю, быть-можетъ, покажется страннымъ нашъ якобы прыжокъ отъ эротизма въ беллетристикѣ къ ея гимнамъ индивидуализму. Однако нашъ переходъ вполнѣ логиченъ. Дѣло-то въ томъ, что у многихъ нынѣшнихъ писателей утвержденіе индивидуалистическаго начала, начала автономнаго безгранично свободнаго „я“ для того и выдвигается, чтобы, исходя изъ него, изъ свободы вообще, вывести свободу безграничнаго блудодѣйствія. Личность у нихъ поднимаетъ „бунтъ“ противъ рамокъ и условностей „буржуазнаго“ общества. Въ результатѣ этого бунтовщическаго акта рамки ниспровергаются; личность появляется свободной, но послушайтесь Ницше и спросите эту „личность“, — не отъ чего она освободилась, а *для чего?* Что можетъ отвѣтить на это большинство ге-

роевъ нашей современной литературы? На какіе идеалы укажетъ это большинство? Къ чему оно стремится?

Тѣ, которые пооткровеннѣе, скажутъ просто: мы освобождаемъ нашу личность для нашихъ прихотей и желаній.

Такъ хочетъ наше „я“. Однако, большинство отвѣтитъ иначе, пустивъ въ ходъ казуистику шаблонныхъ для этой цѣли разсужденій, приторную механику закрыванія истинной сущности фиговыми листками ненужнаго празднословія. Но „я“ все-таки останется „я“, какъ начало безпредѣльное, неограниченное и пр.

До какихъ столповъ доходятъ при этомъ наши псалмопѣвцы индивидуализма, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ цитатамъ, которыя я беру у одного изъ гг. представителей „индивидуальной мысли“. Все это только „я“,— говорятъ онъ, обращаясь къ читателю „Рока нѣтъ, есть только я“. „Все для меня, я же—ни для кого“. „Искусство, это — моя религія—мнѣ. Это гимнъ самому себѣ. Это—зеркало творческаго „самолюбованія“ и т. д. въ томъ же духѣ *). Но такъ говоритъ „маленькій“ представитель индивидуализма, а что же въ такомъ случаѣ говорятъ его вожаки, возсѣдающіе на вершинахъ литературнаго Олимпа? „Я—божество“, можетъ каждый изъ нихъ сказать словами Уитмана:

---

*) Сборн. „Бѣлый камень“. „Альманахъ индивидуальнаго-искусства и индивидуальной мысли“, стран. 109.

И внутри, и снаружи—все свято, къ чему прикоснусь!
Ароматнѣй молитвы запахъ ладони моей.
Моя голова превыше всѣхъ библій, и вѣръ, и церквей! *)

И это „я“ царствуетъ какъ регулятивная идея надъ художественными построеніями современности. Мало этого,—въ рядѣ произведеній послѣдняго времени дѣлаются попытки самое идею эту поставить на пьедесталъ подъ ореоломъ *антибуржуазности*.

Дѣйствительно: „личность“ у современныхъ писателей непрерывно, можно сказать, сражается съ „избитыми словами, подходами, условностями“, то-и-дѣло разрываетъ установленныя рамки, каждую секунду протестуетъ противъ буржуазности. Вдобавокъ, говоря словами Чехова, „все это не просто, а съ тенденціей: и голосъ дрожитъ, и глаза горятъ, и поджилки трясутся“. Индивидуализмъ, однимъ словомъ, безъ конца щелкаетъ „буржуазность“, „посрамляя буржуазію“. Но не будемъ обольщаться формою. „Посрамлять буржуазію,—мѣтко замѣчаетъ г. К. Чуковскій,—стало теперь самымъ буржуазнымъ занятіемъ. Теперь стоитъ только воспѣть половыя извращенности, чтобы про тебя сказали: онъ

*) Уотъ Уитманъ. „Изъ пѣсенъ о самомъ себѣ“, пер. Чуковскаго.

посрамляетъ буржуазію. Всякое буржуазное дѣйствіе, развлеченіе можно при умѣніи выдать за антибуржуазное. Даже „невинные анекдотики“ можно выдать за „антибуржуазную идеологію“ *).

Это—съ одной стороны, а съ другой—по существу—нужно замѣтить, что въ самомъ индивидуализмѣ, какъ таковомъ, нѣтъ ни атома антибуржуазности. Наоборотъ, это, что называется, самая подлинная идеологія буржуазіи. Индивидуализмъ, возводящій въ культъ „индивидуалистическое сознаніе“, самъ родился и вычеканился на почвѣ антагонистическихъ отношеній буржуазнаго общества. Это общество, съ его противорѣчіями, съ его взаимнымъ „пожираніемъ“ людей, съ его конкурренціей, съ его основными принципами бытія homo homini lupus и bellum omnium contra omnes—выработало противоположеніе человѣка человѣку, одного „я“ „я“ другому. Теоретическая мысль лишь выразила логику фактовъ.

Вотъ почему, когда мы слышимъ отъ индивидуалистовъ, что духовная индивидуальность есть все и „выше ея ничего нѣтъ“, что нравственный долгъ требуетъ не ограничивать свое „я“ во имя „не я“, что мы должны признавать только приматъ „я“, что быть эгоистомъ и, значитъ, „быть нравственнымъ человѣкомъ, быть личностью“ **), мы не удивляемся этой философіи, но

*) К. Чуковскій. „Отъ Чехова до нашихъ дней“, стр. 98.

**) Ст. Н. Бердяева „Этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма“, сборн. „Проблемы идеализма“, стр. 107, 108, 109 и слѣд.

отыскиваемъ реальную почву, культивирующую это „идеологическое“ растеніе. И мы говоримъ: индивидуализмъ въ философіи, утверждающей автономно-познающаго субъекта, этого Робинзона современной теоріи познанія; индивидуализмъ въ этикѣ, постулирующей какъ абсолютную цѣнность личность съ ея эгоцентрическими стремленіями; индивидуализмъ въ литературѣ, въ искусствѣ и пр,—все это,—говоримъ мы,—естественнѣйшая „надстройка“ на „базѣ“ современнаго строя.

Значитъ, вы отрицаете личность, идею „я“? Погашаете индивидуальность въ безразличности и безликости? Да, разумѣется, нѣтъ. Первобытное, напр., общество характеризуется безликостью, отсутствіемъ личности, примитивностью психическаго содержанія и отсутствіемъ грани между психическими единицами. По отношенію къ этому состоянію современное индивидуалистическое сознаніе является самоочевиднѣйшимъ прогрессомъ. Объ этомъ даже и спорить не нужно.

Но спорить нужно и должно, когда индивидуализмъ превращаютъ въ послѣднее слово человѣческой мысли и отношеній, когда абсолютизируютъ идею „я“, когда, опьяняясь повтореніемъ яркой буквы „я“ (Бальмонтъ), міръ заслоняютъ личностью и „идеей самоцѣнности творящей личности“. Тогда необходима критика такого индивидуализма и критика жестокая. И въ самомъ дѣлѣ: попробуемъ разобраться въ этой яркой съ перваго взгляда идеѣ самоцѣннаго „я“.

Начнемъ хотя бы съ „я“ въ познаніи. Кто мыслитъ?

„Я“ мыслю? Правильно ли это вообще? Не говоря уже о томъ, что человѣкъ никогда не начинаетъ съ познанія въ одиночку (А. Фуллье хорошо говоритъ: „ce n'est pas par le *moi*, mais par le *nous* que nous commencons à penser *),—не говоря уже объ этомъ, мы должны будемъ признать, какъ парадоксально, но вѣрно замѣчаетъ Гумпловичъ, что мыслитъ, собственно говоря, не личность, не „я“, а общество, коллективность.

Коллективность собираетъ, организуетъ и систематизируетъ познавательный опытъ, знанія, науку. Индивидуумъ же кладетъ свою лепту въ эту сокровищницу исторіи, но то, что онъ черпаетъ изъ нее, безконечно, неизмѣримо превосходитъ имъ вносимое. Идите съ анализомъ дальше и вы увидите, что въ этомъ „я“, въ личности, нѣтъ ничего постояннаго, неизмѣннаго, субстанціальнаго. Пучокъ элементовъ, пучокъ ощущеній, сочетаніе нѣкотораго числа мыслей, желаній, воспоминаній,—вотъ что такое содержаніе „я“ и только. И это сочетаніе постоянно въ движеніи, постоянно въ измѣненіи. При этомъ бываютъ моменты, когда „я“ теряется. И происходитъ это не только во снѣ, не только когда мы дѣйствительно „теряемъ сознаніе“, но и на-яву, совпадая обыкновенно съ моментами наибольшей расширяемости этого „я“. У Гамсуна въ „Панѣ“, этомъ великолѣпномъ образцѣ реалистическаго пантеизма, описанъ весенній вечеръ, когда лейтенантъ Гланъ послѣ долгой

*) A. Fouillee. L' avenir de la metha phisique, p. 237.

зимы вышелъ къ морю. Лѣса и воды, воздухъ ночи, „музыка звѣздъ“, „синее и золото“ на далекомъ горизонтѣ точно захватили Глана своей красотой. Онъ почувствовалъ, что растворяется въ природѣ, что сердце его начинаетъ биться съ „основой міра“. Въ такіе моменты расширенія „я“, какъ чувство маленькой, „эгоистической“ *связки* пучка, ассоціаціи, элементовъ, исчезаетъ изъ поля сознанія и на его мѣсто становится чувство другой, болѣе широкаго характера, связи. Вы чувствуете тогда, что

Жизнь—сочетаніе, гармонія вещей,
И лучшій мигъ, когда, сливаясь стройно съ вами,
Роднѣе отзвуки несутся къ вамъ, звуча;
Когда вибрируешь съ другими существами,
Пылинкой, атомомъ единаго луча!

Тогда появляется чувство связи съ міромъ природы, съ міромъ людей. Вѣчная преграда „я“ падаетъ, и освобожденный человѣкъ, расширяясь, уходя отъ эгоцентрической замкнутости противоположности другимъ людямъ, другимъ „я“, вступаетъ въ иную связь, въ иное отношеніе къ окружающей его средѣ. „Der Mensch ist etwas, das überwunden werden soll“,—говорилъ Ничше. „Я“ есть нѣчто, что должно быть превзойдено. „Я“, выражаясь гегельянскимъ терминомъ, должно быть „aufgehohen“, то-есть одновременно устранено и поднято на высшую ступень развитія. Нужно только устранить ту

эгоистическую раковинку „я“, въ которую прячется расширяющееся и утончающееся содержаніе психической жизни индивида. Но это дѣло будущаго, грядущаго, иныхъ, общественно организованныхъ отношеній. Для насъ же даже невыносима, тягостна, мучительна мысль о потери этого „я“.

Въ „Проклятіи звѣря“ Андреева тонко изображены эти мученія.

„По выходѣ изъ отеля я отдался толпѣ“... „Я двигался, какъ и всѣ: и какъ бы я ни шелъ быстро или медленно и что бы я ни дѣлалъ: останавливался ли у витринъ и разглядывалъ вещи, ожидалъ ли на перекресткѣ удобной минуты, чтобы подъ мордами лошадей и передъ толстыми колесами дрожащихъ автомобилей перескочить на другую сторону; и закуривалъ ли я сигару; и входилъ ли я въ магазинъ; и закупалъ ли я газету; и вставлялъ ли я въ петлицу купленный цвѣтокъ,—*я роковымъ образомъ отражалъ движеніе и поступки другихъ*, —толпы; я удваивалъ, утраивалъ ихъ, повторялъ безконечно“. Сначала „*трагическая похожесть*“ того, что должно быть различно, эта „*убійственная необходимость*“ для каждаго „влѣзать въ одну и ту же форму“ радовали меня какъ ребенка, потомъ... „непріятное началось постепенно, и началось съ того, что эти общность и сходство, которымъ я радовался, стали проникать нѣсколько глубже, чѣмъ я бы хотѣлъ“. Рядъ фактовъ „привели меня къ открытію, что воля моя, равно какъ и желанія мои, потеряли самостоятель-

ность и въ значительной степени подчинены волѣ и желаніямъ другихъ людей. И я уже встрѣтилъ одного, двухъ, трехъ, одѣтыхъ какъ я: такія же шляпы, такая же матерія на платьѣ и ботинки; и у всѣхъ у насъ роза въ петлицѣ. И уже увидѣлъ я одного, двухъ, трехъ похожихъ на меня лицомъ,—и вотъ, уже не принадлежитъ мнѣ мое платье, и лицо мое не принадлежитъ мнѣ. Такъ же съ волею и желаніями моими: *прежде была моя воля и мои желанія, а теперь они наши, общія какъ и роза въ петлицѣ*". „Тѣло мое одиноко, это правда, но къ мысли моей легкими прикосновеніями припадаютъ *чужія мысли*, и въ сердце мое входятъ *чужія чувства*, и множество скрытыхъ людей наполняютъ меня своей таинственной жизнью".

„Тутъ стало мнѣ жутко и безпокойно; казалось, я что-то потерялъ, это потерянное есть мое „я".

„Я" теряетъ свое „я". Это—трагедія „я". Такъ по крайней мѣрѣ изображаетъ ее Андреевъ, дѣйствуя на читателя ужасомъ, безуміемъ, патологическимъ состояніемъ потери. И потеря „я" въ рамкахъ данной общественности этой въ самомъ дѣлѣ—трагедія.

Однако, посмотримъ на эту потерю съ высшей, философской точки зрѣнія. „Первый разъ,—описываетъ Л. Андреевъ,—я почувствовалъ потерю „я" въ библіотекѣ. Я находился одинъ и работалъ. Остро работала мысль, въ обыкновенное время вялая и инертная. Помню постепенно нараставшую возбужденность, непроизвольность чувствъ, неожиданность идей, охватившихъ меня чув-

ствомъ испуга". Я понялъ причину. „Это онѣ, молчаливыя книги, соединили какими-то таинственными путами мой мозгъ съ тысячью другихъ уже умершихъ мозговъ и предательски, молчаливо, вливаютъ въ меня чуждую жизнь".

Въ „Проклятіи звѣря" это изображено какъ трагедія. Но подумаемъ, такъ ли это? Исторія, дѣйствительно, обладаетъ „чудодѣйственной" силою связывать нашъ мозгъ съ милліонами уже умершихъ мозговъ. Милліоны людей, умирая, оставляютъ намъ свое наслѣдство: зарегистрированный опытъ познанія, описанный міръ чувствъ, стремленій, желаній. Изъ вѣковъ въ вѣка сквозь историческую „бурю дѣяній" вѣчнаго моря жизни, движенія переносится чаша человѣческаго духа. Умираютъ „я", личности, но цѣнности духа ихъ остаются, переносясь въ міръ интраиндивидуальной „жизни, безличной или сверхличной". И мы пріобщаемся къ чашѣ этой жизни. Черпаемъ изъ нея сокровищницы „мысли, чужой мысли", имѣемъ дѣло съ чужимъ мозгомъ, большимъ мозгомъ „коллективности". Мы черпаемъ чужія мысли— мысли Леонардо да-Винчи, Коперника, Галилея, Ньютона.

И, черпая ихъ, возсоздавая ихъ опытъ и міръ чудеснаго опыта тысячъ, милліоновъ умершихъ мозговъ, мы имѣемъ дѣло съ величайшимъ изъ богатствъ, пользуясь которымъ мы облегчаемъ, устрояемъ, возвеличиваемъ и одухотворяемъ жизнь нашу. Маленькое „я" индивида, конечно, стушевывается предъ этимъ безличнымъ „я" прошедшихъ и настоящихъ людей, но есть ли это

трагедія, на которую нужно обрушиваться „проклятіемъ звѣря“? Пусть хоть на минуту вообразятъ себѣ, что въ нашъ умъ не припадаютъ чьи-то чужія мысли, въ наше сердце не входятъ чужія чувства, и тогда мнимая трагедія жуткой потери „я“ превращается въ дѣйствительную трагедію исторіи. И тогда, дѣйствительно, нужно проклинать, „кричать объ опасности, кричать объ ужасѣ этой жизни, кричать о смерти“!

Дальше пойдемъ. „Я“ наше несомнѣнно теряетъ свой абсолютный характеръ при сравненіи его съ „я“ другихъ людей. Анализъ устанавливаетъ „общность и сходство“, „трагическую похожесть того, что должно быть различно“, „убійственную необходимость для каждаго влѣзать въ одну и ту же форму“. Это трагедія? Въ такомъ случаѣ представьте себѣ обратное: нѣтъ *убійственной* необходимости общности и сходства, нѣтъ трагической похожести.

Возможно ли тогда общеніе людей, ихъ взаимное пониманіе, ихъ совмѣстное познаніе? Нѣтъ. И человѣческое общежитіе превращается тогда въ адъ. Въ самомъ дѣлѣ: для одного $2\times2=4$, но такъ какъ для другого нѣтъ убійственной необходимости мыслить въ тѣхъ же категоріяхъ, то для него $2\times2=133$. Возможно ли убѣдить другого? Да уже потому нѣтъ, что встаетъ проблема, нужно ли вообще его убѣждать? Да кого убѣждать? Что такой другой, что такое человѣкъ, если мы выйдемъ за предѣлы представленія о трагической похожести, о принципіальномъ равенствѣ опыта людей?

Это—недоступное нашему пониманію, нашему познанію и представленію таинственное нѣчто. Міръ, съ этой точки зрѣнія, превращается въ страшную арену сталкивающихся солипсистовъ. Вы не имѣете права говорить священныя слова „я люблю тебя“ и услышать этотъ священный отвѣтъ „я люблю тебя“ („Проклятіе звѣря“, стр. 40). Не имѣете—потому, что всякое ваше обращеніе къ сочеловѣку роковой посылкой предполагаетъ ту же трагическую похожесть, которая одна есть условіе взаимнаго пониманія. А она-то и отрицается. Вотъ къ какимъ выводамъ приводитъ насъ трагедія „я“. Безсмысленная трагедія рождаетъ „безуміе и ужасъ“. Трагедія „я“ убиваетъ жизнь, превращаетъ ее въ безсмыслицу и лишній разъ показываетъ, что логически законченный индивидуализмъ граничитъ съ болѣзнью и патологіей.

Иныя перспективы рисуются взору, если мы выйдемъ изъ предѣловъ отграниченія, замыканія, противоположенія одного „я“ другому,—однимъ словомъ, изъ предѣловъ траги-комичныхъ трагедій „я“, потенціально заложенныхъ въ индивидуалистическихъ теоріяхъ. Похожесть, сходство, принципіальное равенство всѣхъ „я“ и міра ихъ опыта позволитъ намъ мысленно представить время, когда пониманіе людей доведено до совершенства. Ихъ познаніе стройно гармонизировано въ общихъ всѣмъ познавательныхъ формахъ. Ихъ чувствованія солидаризированы. Взаимная постановка мучительныхъ противорѣчій, вытекающихъ изъ борьбы людей, чуждо-

сти ихъ другъ другу и обособленности,—отходитъ въ прошлое. Чувствованія людей перемѣняютъ знакъ своего направленія, и эгоцентрическія стремленія личности превращаются въ эксоцентрическія. Чувство связи, родства съ другими людьми увеличивается до безконечныхъ размѣровъ и все связывается незримой общностью.

Такъ придетъ *человѣкъ*.

И вѣрю я душой: желанный день придетъ;
Никто не скроется въ уединеньи гордомъ,
Всѣ звуки радостей, сомнѣній и заботъ
Сольются, разрѣшась торжественнымъ аккордомъ!
Всѣ люди сблизятся, соединясь въ одно,
И образуютъ цѣпь, гдѣ каждое звено
Откликнется другимъ, едва задѣтымъ звеньямъ!...
Мое не чуждо вамъ, все ваше—мнѣ родное,
И чувства всѣхъ людей должны быть и мои!
Мнѣ счастьемъ можетъ быть лишь счастье міровое!
Пусть сердцу хрупкому разбиться суждено—
Все человѣчество вмѣстить оно должно! *)

*) М. Гюйо. „Единеніе“. Жаль, что эти возвышенные стихи Гюйо имѣются лишь въ слабомъ переводѣ г. Тхоржевскаго.

III. Въ погонѣ за новымъ.

Въ хороводы, въ хороводы!
О, соборуйтесь, народы!—

наигрываетъ въ „Яри“ г. С. Городецкій.

Можетъ-быть, это и есть то, что мы только-что говорили: „aber nur mit ein bischen andern Worten“? Нѣтъ, отъ „соборной“ мелодіи Городецкихъ приходится отмахиваться рукой, какъ отмахиваются отъ пиликанья гармоники послѣ звуковъ Шопена. Отмѣтимъ лишь, что нѣкоторые изъ нашихъ индивидуалистовъ-художниковъ слова заговорили „объ общественности и соборности“. Одного „самоцѣннаго анархическаго „я“ оказывается недостаточно, надъ нимъ для приданія ему большаго значенія надстраиваютъ нѣкоторый балдахинъ. Балдахины эти отличаются своими цвѣтами, и въ зависимости отъ этого мы имѣемъ то „мистическій анархизмъ“ гг. Чулкова и Иванова, то „теократическій анархизмъ“ г. Бердяева, то „апокалипсическій анархизмъ“ г. Ме-

режковскаго, то „соборный“ анархизмъ или индивидуализмъ гг. Модеста Гофмана и К°.

Всѣ эти „анархизмы“ интересны какъ исканіе новыхъ регулятивныхъ формъ и идей въ художественномъ творчествѣ. Процессъ художественнаго отображенія жизни есть процессъ укладыванія ея въ рамки опредѣленнаго характера живыхъ символовъ, красочныхъ описаній, рельефныхъ подчеркиваній и т. д.

Художнику при этомъ такъ же нужна идея, какъ и научному изслѣдователю. Даетъ ли такую идею или такія идеи хотя бы мистическій анархизмъ, и какія именно? Но прежде всего, что такое этотъ „мистическій анархизмъ“? Г-нъ Вяч. Ивановъ даетъ слѣдующее опредѣленіе этой мудреной вещи. Есть два пути,—говоритъ онъ,—мистики: путь теократіи и путь теоморфозы. Пусть читатель извинитъ меня, если я для объясненія этихъ путей позволю привести себѣ рѣдкую какъ ихтіозавръ и какъ гиппопотамъ чудовищную, но великолѣпную цитату. „Теократическая формула планетарна и женственна; она страдательно пріемлетъ и священственно запечатлѣваетъ нисхожденіе божественное. То, что мы назвали теоморфозой, знаменуетъ внутреннее высвѣтленіе человѣчества изъ своего божественнаго и единосущнаго Логосу „я“, мистическую энергію, направленную къ выявленію того міра, въ которомъ Богъ будетъ „всяческая во всѣхъ“. Это путь пророчественно упреждающаго почина и своеначальнаго восхожденія, солнечный и мужественный путь теургическаго дерзанія.

Таковъ путь собственно „мистическаго анархизма“, ибо слово „*мистическій анархизмъ*“ означаетъ любовь дерзающую, поскольку мистика есть тайнодѣйствіе любви и внутренняя мистерія Эроса, а знамя анархіи—орифлама послѣднихъ дерзновеній“ *).

Это лучшее опредѣленіе мистическаго анархизма и все-же, какъ говорятъ нѣмцы, es lasst sich nich lezen. Оно не дается для уразумѣнія. Нужно, очевидно, какое-нибудь сверхмистическое познаніе, чтобы понять и „выявить“ сущность этой теоріи. И сколь храбръ поэтому г. М. Гофманъ, сообщая, что „мистическій анархизмъ, широкой волной пролившійся**) по всей Россіи“, находитъ себѣ „всюду сочувствіе“.

Бѣдная Россія, на которую гг. мистическіе анархисты „проливаютъ“ широкой волной, золотымъ дождемъ свои планетарно-женственныя теократическія формулы и орифламы послѣднихъ дерзновеній!

А, по правдѣ сказать, дѣло тутъ совсѣмъ въ другомъ. Дѣло въ томъ, что современная россійская художественная литература со своими литераторами танцуетъ по льду. „Скользитъ и падаетъ“. Падаютъ гг. беллетристы, встаютъ и бѣгаютъ. Ищутъ „новаго“. Одни изъ нихъ „съ классовой точки зрѣнія“ громятъ „буржуазію“. Но это не опасно. „Классовая точка зрѣнія“ проводится теперь даже въ объявленіи о Перуинѣ

*) М. Гофманъ. „Соборный индивидуализмъ“, стр. 110.

**) В. Ивановъ. „О любви дерзающей“. „Факелы“. II томъ, стр 235.

Пето, средствѣ для рощенія волосъ. И кокетничающіе антибуржуазностью писатели не идутъ далѣе перуино-петовской позиціи. Посрамленіемъ буржуазіи они не пугаютъ ея.

Другіе ищутъ „живой воды“ въ эротизмѣ, но это не ново. Третьи культивируютъ съ особымъ смакомъ автономную личность, но это тоже старо. Зато четвертые, дѣйствительно, не только ищутъ, но и создаютъ новыя „цѣнности“. Какія это цѣнности, объ этомъ можно узнать по въ судорогахъ рождаемымъ новымъ словамъ,— напр., „огневзорный“, „возвѣянныя ноги“, „осіянныій“, „огоньковый“ и т. д., по произведеніямъ г. Ремизова, по Удрасамъ и Барыбамъ г. Городецкаго, по Балаганчикамъ г. Блока и проч., что въ обильномъ количествѣ выливается на книжный рынокъ. Погоня за формой, ея преобладаніе надъ содержаніемъ, елейно-церковные порывы однихъ, „теургическія“ самонатаскиванія у другихъ,—горькій осадокъ вызываетъ современная литературная вакханалія. Непріятенъ „Бэдламъ нашихъ дней“:

Предлиннымъ языкомъ болтаютъ,
Словъ не жалѣютъ, рѣчи льются
Многоглагольно и нестройно,
Безстыдно, пошло, непристойно...

„Жизнь человѣка“ и смыслъ жизни человѣческой.

И въ сторонѣ отъ этого Бэдлама стоятъ два изъ послѣднихъ произведеній Леонида Андреева: „Жизнь человѣка“ и „Царь-Голодъ“. Мы можемъ не соглашаться съ ними, можемъ тысячу разъ опровергать ихъ, но пройти мимо не въ состояніи. Послѣ нихъ, какъ выразился о „Жизни человѣка“ г. Горнфельдъ, „хочется думать“ *). Начнемъ хотя бы съ перваго произведенія. Л. Андреевъ въ немъ ставитъ себѣ задачей въ общихъ, отвлеченныхъ чертахъ разсказать о „Жизни человѣка“. Показать „всю жизнь человѣка съ ея темнымъ началомъ и темнымъ концомъ“. Доселѣ небывшій, таинственно схороненный въ безграничности временъ, человѣкъ „таинственно нарушаетъ затворы небытія“ и возвѣщаетъ крикомъ о началѣ своей жизни. И вспыхиваетъ „свѣтильникъ, зажженный невѣдомой рукой,—это жизнь человѣка“. И передъ нами проходитъ эта жизнь.

*) А. Г. Горнфельдъ. „Книги и люди“, стр. 101.

Вотъ юность человѣка. „Ярко пылаетъ свѣча“ его жизни, но „убываетъ воскъ, съѣдаемый огнемъ“. Вотъ человѣкъ—„счастливый мужъ и отецъ“, но „тускло и странно мерцаетъ свѣча“. Вотъ человѣкъ—уже старикъ, больной и слабый. „Пригибаясь къ землѣ, безсильно стелется синѣющее пламя, дрожитъ и падаетъ, дрожитъ и падаетъ и гаснетъ тихо“. Человѣкъ умеръ. Прошла призрачнымъ эхомъ съ ея скорбями и радостями его быстротечная жизнь. И сгинулъ человѣкъ. Безслѣдно, въ безграничности временъ, „покорно“, въ „слѣпомъ невѣдѣніи своемъ“ совершивъ „кругъ желѣзнаго предначертанія“.

Л. Андрееву, конечно, не важно, кто этотъ Человѣкъ. И друзья, и враги; и сосѣди, говорящіе объ его бѣдности; и гости, повторяющіе, „какъ пышно, какъ свѣтло, какъ богато; и балъ, и смерть среди пьяницъ,—все это мелочи. Это лишь маловажный рисунокъ на канвѣ, на схемѣ, въ которую уложена жизнь человѣка. Суть же философіи въ томъ, что судьба этого человѣка—судьба всѣхъ людей. Главное—въ томъ, что пьеса Андреева жестко ставитъ вопросъ о *смыслѣ* жизни. Ставя этотъ вопросъ, она даетъ и отвѣтъ: въ жизни нѣтъ смысла. И Андреевъ при этомъ беретъ человѣческій экземпляръ, надѣляя его лучшими чертами. „Онъ *энергиченъ*, дѣятельно свободенъ, у этого человѣка „красивая, гордая голова, съ блестящими глазами, высокимъ лбомъ и черными бровями“. Онъ—самоцѣль съ перваго взгляда, но въ дѣйствительности,—говоритъ Андреевъ,—это ошибка: чело-

вѣкъ—игрушка въ рукахъ того, „кого всѣ называютъ Онъ“ и о комъ самъ человѣкъ говоритъ какъ о „Рокѣ, дьяволѣ или жизни“. „Нѣкто въ сѣромъ“ управляетъ жизнью Человѣка и стоитъ за нимъ: въ часы радости и счастья, унынія и смертнаго томленія, въ часы побѣдъ и пораженій Онъ стоитъ и холоднымъ, безстрастнымъ голосомъ, точно наемный чтецъ, читаетъ судьбу человѣка въ „Книгѣ судебъ“. Въ молодости, полный избыткомъ силъ, кипучей энергіей, жаждой борьбы и побѣдъ, Человѣкъ смѣло бросаетъ Ему свой гордый вызовъ.

„Эй, ты, какъ тебя тамъ зовутъ: Рокъ, дьяволъ или жизнь, я бросаю тебѣ перчатку, зову тебя на бой! Малодушные люди преклоняются предъ твоей загадочной властью: твое каменное лицо внушаетъ имъ ужасъ, въ твоемъ молчаніи они слышатъ зарожденіе бѣдъ и грозное паденіе ихъ. А я смѣлъ и силенъ и зову тебя на бой. Поблестимъ мечами, позвенимъ щитами, обрушимъ на головы удары, отъ которыхъ задрожитъ земля! Эй, выходи на бой!“

Но жизнь течетъ. Нѣкто въ сѣромъ отчитываетъ судьбу человѣка по „Книгѣ судебъ“. Воля человѣка, его желанія сталкиваются съ холоднымъ, безстрастнымъ теченіемъ судьбы. Судьба побѣждаетъ. И человѣкъ побѣжденъ. Гордые вызовы прежняго забыты, и человѣкъ, исчезая, бросаетъ свой трупъ Тому, кого онъ мнилъ побѣдить: „грызи его, какъ собака, возись съ нимъ въ темнотѣ“.

„Я проклинаю все данное тобою. Проклинаю жизнь

мою, ея радости и горе. Проклинаю мое сердце, мою голову—и все бросаю назадъ, въ твое жестокое лицо, безумная Судьба".

Это философія безысходнаго пессимизма. Трагедія мысли о человѣческой ничтожности. Философія смерти, скорби и рока. Стимулъ для удручающаго тоской своей взгляда на міръ.

Въ тяжеломъ томленьи мгновенныя дѣти творенья
Томятся неяснымъ стремленіемъ нѣмыя растенья;
И голодны звѣри въ лѣсахъ и пустынѣ,
И все преходяще, и все безконечно,
И муки всемірныя нынѣ
И вѣчно...*)

И такъ было, такъ есть, такъ будетъ!..

И все-же нужно не принять, *отвергнуть* эту пессимистическую философію. Она невѣрна. Неправильна самая попытка разсмотрѣть „смыслъ жизни человѣческой" съ точки зрѣнія рока. Кого бы мы ни подразумѣвали подъ „Рокомъ, дьяволомъ, Имъ" и т. д., представляя себѣ его то какъ абсолютъ съ лукавствомъ разума" (Гегель), то какъ безстрастный потокъ міровой энергіи, какъ ходъ желѣзной необходимости, вѣчнаго движенія формъ и состояній,—съ этой точки зрѣнія мы ни въ коемъ случаѣ не найдемъ путей къ смыслу человѣческой жизни. Къ

*) Ф. Сологубъ.

ней съ оцѣнками мірового масштаба подходить нечего. Во-первыхъ, потому, что для „*смысла*“ нужна *оцѣнка* смысла, а въ мірѣ, какъ таковомъ, мы ея не найдемъ. Міръ, какъ таковой, лишенъ возможности категорически и императивно диктовать намъ свою волю и смыслъ. Въ немъ нѣтъ этого смысла. Мыслить бытіе обладающимъ смысломъ (значитъ, *человѣческимъ* смысломъ, ибо иного смысла мы и представить себѣ не можемъ), значитъ безмѣрно суживать его.

Во-вторыхъ, всякія оцѣнки съ точки зрѣнія „Рока“ неизбѣжно обречены на характеръ безразличности. Въ самомъ дѣлѣ: вотъ комплексъ элементовъ, именуемый „человѣкомъ“. Часть этихъ элементовъ, допустимъ, входила во вторичную эпоху какъ составная часть исполинскаго тѣла ихтіозавра. А завтра человѣкъ превращается въ руину, связка „жизни“ разрушается, комплексъ элементовъ распадается и быстрымъ потокомъ энергіи разсѣивается, разносится для новыхъ группировокъ, для новыхъ связей. И какъ знать,—не покажется ли завтра часть этихъ элементовъ въ видѣ дрожащей хрустальной капли росы на лепесткахъ ландыша? Не зацвѣтутъ ли они въ видѣ фіалки? Съ точки зрѣнія „Рока“ здѣсь не приходится искать смысла. Съ этихъ высотъ все смѣшивается, все сглаживается, теряетъ свой смыслъ противоположности, различія, добро и зло, счастье и несчастье, высокое и низкое, пошлое и красивое—передъ нами только безразличный, безстрастный потокъ универсальной энергіи.

Какъ нѣкоторую иллюстрацію моей мысли, я позволю себѣ привести художественное описаніе В. Бѣльше любви бабочекъ-поденокъ.

Извѣстно, что бабочка эта два или три года влачитъ свое существованіе въ видѣ гадкой прожорливой личинки въ илѣ рѣки, въ пескѣ, „пожирая, тучнѣя, линяя“, съ величайшимъ напряженіемъ, въ страхѣ, ведя упорную борьбу за существованіе до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ „извѣстнаго уровня личнаго развитія“. Тогда совершается чудо. Таинственно „нарушаются затворы“ бытія, и въ ночи „вспыхиваетъ свѣтильникъ „новой жизни. Въ августовскую ночь происходитъ чудесное преображеніе плоти: гадкая личинка, приспособленная къ жизни подводной, подымается наверхъ и принимаетъ „кристаллически-свѣтлый образъ сильфа, который теперь, омываемый вмѣсто мутныхъ водъ свѣтомъ мѣсяца, искрится надъ рѣкой, какъ расплавленное серебро“. Изъ ила рѣки подымается одинъ сильфъ, другой, третій и т. д., сбиваясь при лунной мглѣ въ „облако легкихъ, какъ пухъ, крылатыхъ воздушныхъ существъ“. Начинается свадебный хороводъ сильфовъ. Всѣ хотятъ быть парами.

„Слой на слой падаетъ въ упоеніи летанья, вдыханія воздуха, нахожденія другъ друга“. Бѣшено и разнуздано мчится хороводъ. Два часа продолжается онъ. И вотъ, въ пляску жизни и любви вступаетъ смерть. Одна пара за другой, „убитыя стрѣлою любви“, опускаются въ воду. Умирающая самка кидаетъ въ воду

оплодотворенныя яйца, и только на немного переживаетъ ее убитый той же стрѣлою самецъ. Какъ у Л. Андреева въ „Жизни человѣка“, здѣсь можетъ выступить „Нѣкто въ сѣромъ“ и холоднымъ, равнодушнымъ голосомъ, изъ „глубокой дали, какъ эхо“, — сказать:

— Тише! Сильфъ умеръ.

Заглушить „старухъ“, что шепчутъ умирающему сильфу:

— Ты сейчасъ умрешь, а ты помнишь?

— Ты помнишь?

В. Бѣльше указываетъ, что сильфъ-поденка гораздо древнѣе человѣка и свадебные хороводы его „видѣло уже голубое море девонской формаціи“, когда „плавалъ ихтіозавтръ, а ящеро-птица, археоптериксъ разсѣкалъ воздушныя пространства“. Изъ глубины временъ, изъ года въ годъ, слѣдовательно, тянется одна и та же старая „исторія“. Съ точки зрѣнія Андреевскаго Рока она безсмысленна, трагична. Покорно совершаетъ сильфъ кругъ желѣзнаго предначертанія“ и умираетъ. Его жестокая судьба—судьба всѣхъ сильфовъ. Родиться и умереть. На одну минуту зачароваться въ кругѣ любви и погаснуть. Гдѣ тутъ смыслъ? Жизнь сильфа—безсмыслица? Однако, допустимъ хоть на минуту, что намъ удалось стать на точку зрѣнія сильфа.

Сильфъ не считаетъ свою жизнь безсмыслицей; онъ борется, живетъ, и въ одинъ прекрасный лунный вечеръ сбывается цѣль его жизни: радость подняться се-

ребряной пылинкой, слиться съ другой въ вакхическомъ танцѣ. Это его цѣль, его чаемое счастье. Чрезъ то осмысливается жизнь его, постулируется „безсмертіе“ рода. Не такова ли и жизнь человѣка?

Нѣтъ, она неизмѣримо сложнѣе по различію стремленій. Цѣли, что ставятъ себѣ люди, безконечно разнообразны. У того же Андреева въ одномъ изъ мелкихъ разсказовъ изображенъ человѣкъ, всю свою жизнь добивавшійся одной и той же задачи: большого шлема въ карточной игрѣ винтъ. Эта цѣль, къ которой страстно стремился игрокъ, „осмыслила“ его нудную, сѣрую жизнь, вложивъ въ нее нѣкоторое стремленіе. Разумѣется, это „осмысливаніе“ жизни человѣка только однимъ желаніемъ выигрыша большого шлема нельзя сказать, чтобы изъ высокихъ. Можно ли сравнивать ее, напримѣръ, со стремленіями активнаго, полнаго силъ борца за соціальное счастье, за высокія и прекрасныя цѣнности? Далѣе, трагизмъ этого игрока сказался въ томъ, что онъ не достигъ цѣли или, вѣрнѣе, осуществленіе ея совпало съ его смертью: если бы разрывъ сердца, произошелъ на секунду позднѣе, игрокъ имѣлъ бы счастье увидѣть, наконецъ, пришедшій большой шлемъ. Это, такъ сказать, трагизмъ неосуществленія цѣли.

Иногда цѣль совпадаетъ со смертью. Строитель Сольнесъ всходитъ на башню, „слышны звуки арфы, высоко-высоко“... и падаетъ. Это смерть „сильфа“. Часто трагедія неосуществленія цѣли обусловлена трагичной неосуществимостью этой цѣли по существу, какъ задачи,

неправильно, ложно поставленной, какъ призрака, который дразнитъ, манитъ усталаго путника въ пустынѣ, водитъ и кружитъ по сторонамъ. Это—трагедія Бранда, съ его мечтами воздвигнуть церковь, что сводами своими охватила бы весь міръ, всю жизнь, все, что живетъ, существуетъ.

Ключъ, что журчитъ подъ горою,
Тотъ водопадъ, что въ ущельѣ реветъ,
Бури рыданья, стонъ моря.

На горахъ ищетъ Брандъ своей церкви. И находитъ тамъ свою смерть, извиваясь подъ надвигающейся на него лавиной.

Цѣль Бранда была невыполнимой,—онъ не представлялъ себѣ пути и средства, какъ воплотить „царство Господне“ здѣсь на землѣ.

Но, можетъ-быть, трагизмъ неосуществленія человѣческихъ цѣлей вообще неизбѣженъ, и потому человѣку остается, дѣйствительно, только одно: бросить проклятіе въ „каменное“ лицо Рока, проклятіемъ заклеймить день рожденія, свои стремленія къ радости. Обращенная къ исторіи, эта проблема, въ *такомъ* рѣшеніи, приводитъ, собственно говоря, къ отрицанію *прогресса*, къ утвержденію, что не человѣкъ въ своемъ историческомъ развитіи побѣждалъ слѣпой Рокъ, а Рокъ побѣждалъ человѣка. Это—сплошное противорѣчіе фактамъ.

Если же ту же проблему поставить предъ личностью,

то и въ этомъ случаѣ она должна быть отвергнута. Ибо, если трагизмъ неосуществленія цѣлей, задачъ, желаній личности есть вообще законъ; если чувство постояннаго, отсюда рождаемаго, страданія всегда перевѣшиваетъ чувство силы, удовлетворяющейся воли, наслажденіе, удовольствіе; если жизнь есть вообще сплошное неисполненіе нашихъ цѣлей,—то можно ли бы было жить? На это нужно отрицательно отвѣтить: при сплошномъ, ничѣмъ непрерываемомъ чувствѣ тягости жизни жизнь съ біологической точки зрѣнія была бы немыслима. Ставя Гамлетовскій вопросъ „жить или не жить?“, личность кончала бы самоубійствомъ. Однако, даже и при этомъ рѣшеніи дѣло не обходится безъ тягостныхъ, мучительныхъ сомнѣній. Гамлетъ говоритъ о нихъ:

Окончить жизнь—уснуть! Уснуть—а если
При этомъ видѣть сны?..
Какого рода сны тревожить будутъ
Насъ во смертномъ снѣ, когда съ себя мы сбросимъ
Покрышку нашей плоти? *)

Но на самоубійство, какъ выходъ, какъ разрѣшеніе отъ тягости жизни, идутъ немногіе, и они *нуль* въ сравненіи съ человѣчествомъ, которое жило, живетъ и будетъ жить, преодолѣвая жизненныя тягости, не уподобляясь гибнущимъ отъ собственной руки „проповѣд-

*) Перев. А. Л. Соколовскаго.

никамъ смерти", „ненавистникамъ тѣла", по выраженію Ничше. Но вѣдь нельзя отрицать угнетающее Гамлета, а вмѣстѣ съ нимъ и все человѣчество „безбрежное море горестей и бѣдъ", „удары стрѣлъ враждебной намъ судьбы". Кто же объ этомъ споритъ? Конечно, нѣтъ, но человѣкъ *преодолѣваетъ* ихъ стремленіемъ къ счастью.

„Была нѣкогда женщина,—говоритъ Гюйо,—невинное безуміе которой состояло въ томъ, что она мнила себя помолвленной и наканунѣ вѣнчанія. Утромъ проснувшись, она требовала себѣ бѣлое платье и свадебный вѣнецъ и, улыбаясь, наряжалась: „онъ придетъ сегодня",—говорила она. Вечеромъ, послѣ напраснаго ожиданія, ею овладѣвала печаль; она раздѣвала тогда свое бѣлое платье. Но на другой день, съ зарей, надежда возвращалась: „вотъ сегодня",—говорила она. И она провела всю жизнь въ этой увѣренности, то обманывавшейся, то оживавшей, раздѣвая свое платье надежды только затѣмъ, чтобы снова одѣться въ него. Человѣчество—точно эта женщина, забывавшая каждое разочарованіе: каждый день ждетъ оно явленія своего идеала".

Это не совсѣмъ вѣрно. Разные бываютъ идеалы: одни идеалы висятъ въ воздухѣ, оторванные отъ эмпирической дѣйствительности, не подкрѣпляемые ею, а потому и обреченные на гибель. Другіе идеалы выросли на почвѣ осуществляемой обусловленности, живучи и реализуемы. Поэтому сказать про все человѣчество,

что оно дышитъ мечтательно-иллюзорными идеалами—совсѣмъ неправильно.

Но допустимъ даже, что это и такъ. Допустимъ, что человѣкъ шествуетъ, окруженный иллюзіями и протягивая руки иллюзіи. Все равно, даже и въ этомъ случаѣ жизнь его получаетъ цѣль (хотя бы даже и иллюзорную), въ стремленіи достичь которую двигается человѣкъ. Замѣтимъ вдобавокъ, опредѣленіе, что иллюзорно, что нѣтъ, гдѣ жизненная цѣнность положительнаго характера, а гдѣ нѣтъ—въ предѣлахъ человѣка, а не во внѣ его, не въ рукахъ Рока, дьявола, Универсума, хода необходимости и т. д. Мое счастье видѣть мой идеалъ осуществленнымъ, видѣть, напр., окружающее меня общество перестроеннымъ на началахъ справедливости и красоты отношеній съ точки зрѣнія вѣчнаго потока вещей Универсума столь же безразлично, какъ и мое несчастье. Все преходяще, все таитъ начало конца. Но мое страданіе, мои муки слышать, напр., стоны умирающаго любимаго существа и не быть, будучи отдѣленнымъ желѣзной рѣшеткой моихъ палачей, въ состояніи приблизиться и помочь ему (ср. со „Смертью Тентажиля“ у Метерлинка) безразличныя, безконечно ничтожныя, неощущаемыя и немыслимыя Универсумомъ, Дьяволомъ или Рокомъ,—для меня могутъ быть рѣшающими. Оцѣнки во власти человѣка, онъ — мѣра ихъ. Поэтому, не отрицая, разумѣется, факта трагизма въ жизни человѣка, мы тѣмъ не менѣе отвергаемъ до конца „Жизнь человѣка“ Леонида Анд-

реева, какъ философію непреодолимаго, безысходнаго, трагическаго пессимизма. Отъ этого цвѣтка кладбища пахнетъ смертью, страданіями, разложеніемъ, трупнымъ запахомъ.

IV. „Царь-Голодъ“ и соціальный трагизмъ.

Если въ „Жизни человѣка“ въ центрѣ поставлена единица, индивидуумъ, особь, человѣкъ и его трагедія, то въ „Царь-Голодѣ“ рѣчь идетъ о людяхъ, какъ коллективности, объ отношеніяхъ людей — о трагедіи соціальнаго порядка. И „Царь-Голодъ“ — громадной силы произведеніе. Пользуясь присущимъ ему талантомъ отвлеченной символистики, Л. Андреевъ художественно схематически изображаетъ современныя общественныя отношенія, рисуетъ соціальную пирамиду современности.

„Земля голодна. Она полна стонами“. Стоны несутся „оттуда, изъ проклятаго города“, оттуда, „съ полей, изъ глубины умирающихъ деревень“.

Машина царствуетъ, въ ней концентрируется мощь и грандіозность производительныхъ силъ, силъ природы, приведенныхъ къ покорности, къ услуженію человѣку. Человѣчество поетъ гимнъ прекрасной, сильной, мудрой

машинѣ. Но работникъ прибавляетъ: и „страшной“, ибо машина не только освобождаетъ, но и давитъ.

— Мы задавлены машинами.

— Мы задыхаемся подъ ихъ тяжестью.

— Желѣзо давитъ.

— Гнететъ чугунъ.

Плющитъ желѣзный молотъ. Ломаетъ кости. День и ночь визжитъ пила, разрѣзая сталь. Работникъ превращенъ машиной въ автоматъ, въ подданнаго автомотическаго хода машинъ.

— Мы сами части машинъ!

— Я молотъ.

— Я шелестящій ремень.

— Я рычагъ.

А я,—стонетъ слабый голосъ,—„маленькій винтикъ, съ головкою. разрѣзанной на-двое. „Дрожу общей дрожью, и вѣчный гулъ стоитъ въ моихъ ушахъ“. И въ ропотѣ сознаетъ работникъ, что его трудъ есть трудъ для другихъ. „Все для другихъ. И пушки, и звонкое желѣзо, и порохъ, и заводы, и города. Все для другихъ“...

Царь-Голодъ приходитъ и пугая работающихъ смертью ихъ женъ и дѣтей, пугая картиной вереницы маленькихъ гробиковъ по темнымъ улицамъ, бунтуетъ работника.

Царь-Голодъ идетъ отъ нихъ къ проституткамъ, хулиганамъ, сутенерамъ, ворамъ, убійцамъ, къ отбросамъ общества. Здѣсь собрано „все самое ужасное, что можетъ дать нищета, порокъ, преступленіе“. Это тоже

порожденіе современнаго общества. Я блудница,—говоритъ находящійся среди воровъ и сутенеровъ ребенокъ.—Мнѣ сейчасъ двѣнадцать лѣтъ, хотя на видъ я кажусь нѣсколько старше. А когда мнѣ было десять, мамаша продала меня одному господину (показываетъ наверхъ,—тамъ балъ „командующихъ“) за 20 рублей и бутылку водки“. Съ тѣхъ поръ „вотъ уже два года, я каждую ночь имѣю одного или двухъ мужчинъ, но платятъ они недорого“. Деньги же отдаю „моему любовнику, чтобъ онъ не такъ билъ меня“...

Вотъ какимъ способомъ собираетъ культурное, „образованное“, „просвѣщенное“ общество кадры „отбросовъ“! И эти отбросы, бунтуемые Царь-Голодомъ, мечтаютъ о расплатѣ такимъ же путемъ. „Заразить ихъ нашими болѣзнями“. „Сифилисомъ“. Изнасиловать во время волненій ихъ „дамъ или дѣвицъ“....

А наверху пируютъ, веселятся, танцуютъ. „Мелькаетъ черный костюмъ мужчины, бѣлое платье и бѣлыя „голыя плечи женщины“. Играетъ „красивая, нѣжная музыка“. „Влюбленная пара скрывается за гардины и предается нѣжнымъ быстролетнымъ ласкамъ“. Пиръ во время голода.

Но общество не только веселится, но, подчиняясь „законамъ вѣчной справедливости“, охраняетъ устои, судитъ, „озаряя землю свѣтомъ человѣческаго разума и великой, святой правды“. Судитъ голодныхъ, не смущаясь „воемъ этой голодной безсильной сволочи, ея проклятіями и гнѣвомъ“. И съ чавканьемъ пожирая

во время перерыва „цѣлыя бараньи туши, колоссальные окорока, высокіе, какъ горы, ростбифы“, верхи общества украшаютъ „Голгоѳу новыми крестами“.

Вотъ старикъ. Онъ укралъ пятифунтовый хлѣбъ. Не было работы. Отъ этого хлѣба онъ „успѣлъ откусить только кусочекъ“, остальное отняли. „Простите меня, я больше не буду“.

Но судьи „принимаютъ видъ размышляющихъ“, и Смерть говоритъ объ ихъ рѣшеніи: осужденъ—во имя дьявола!

Вотъ голодная убила своего ребенка — утопила въ рѣкѣ. „Какъ звали ребенка? Дочечка“. „Нѣтъ, имя. Какъ ее звали? Дочечка“. У ребенка, оказывается, нѣтъ имени. Марія, Анна и т. д., это не важно, важно лишь, что дочечка у голодной и каждая голодная въ изступленномъ отчаяніи, не находя выхода, можетъ ночью перекинуть ее въ черную глубину рѣки.

И снова, „принимая видъ размышляющихъ“, постановляютъ приговоръ: осуждена—во имя дьявола!

Передъ „ставленниками“ вѣчнаго небеснаго правосудія проходитъ рядъ другихъ голодныхъ „преступниковъ“. Вотъ человѣкъ необычайно мощнаго вида. Его вина? У него нѣтъ вины, онъ всегда былъ покоренъ и дѣлалъ то, что ему приказывали, но онъ рабъ и для раба „слишкомъ силенъ и честенъ“. Сегодня онъ послушенъ, но кто поручится за завтрашній день?

И судъ постановляетъ: осужденъ—во имя дьявола! Смерть ему!

На его мѣсто является новый голодный. „Существо необычайно дикаго вида“, но въ немъ, несмотря на звѣриную походку „носками внутрь“, длинныя до колѣнъ руки и сплошь заросшее волосами лицо,—есть „попытки къ чему-то человѣческому“. Костюмъ его страшный—„соединеніе коры деревьевъ“ и какихъ-то подвязокъ. Кто это? Горилла? Дрессированное животное? Нѣтъ, это крестьянинъ. „Мы крестьяне“,—отвѣчаетъ онъ. Привлекается къ суду за убійство человѣка. Нѣтъ, это не былъ человѣкъ,—оправдывается несчастный.—Это былъ дьяволъ,—„это сказалъ намъ кюрэ“... Пусть происходитъ замѣшательство среди зрителей, пусть присутствующій г. профессоръ, какъ представитель позитивной науки общества, говоритъ о „вредномъ вліяніи церкви“ и о преступленіяхъ, вызываемыхъ суевѣріемъ, при чемъ тутъ кюрэ! Кюрэ—друзья высшаго общества, они внѣ подозрѣній. Развѣ не свидѣтельствуютъ объ этомъ бельгійскіе аббаты во время избирательной кампаніи въ парламентъ, французское духовенство и вообще аббаты всѣхъ странъ?

Въ преступленіи виновата только человѣкоподобная горилла, крестьянинъ,—и смерть ему! „Осужденъ—во имя дьявола!“ Такъ подготовляется „бунтъ голодныхъ“. „Они дохнутъ, а мы будемъ ихъ кушать, кушать, кушать!“ Этими словами заканчивается поучительное зрѣлище суда... Настаетъ ночь *того* дня. Время бьетъ въ колоколъ, „деретъ до ушей его мѣдную глотку“ и будитъ спящихъ. Огненно-красное зарево пожаровъ. Хри-

лый рокъ Смерти, „бухаетъ набатный колоколъ голодными призывными звуками“.

Въ литературѣ уже есть произведеніе, аналогичное этой картинѣ (картина четвертая—„Бунтъ голодныхъ и Предательство Царя-Голода“) по замыслу содержанія и по создаваемому настроенію... Это—„Возстаніе“ Эмиля Верхарна.

Гулы глухіе орудій
(Кашель чугунный безжалостныхъ грудей)
Мѣрятъ печальные вздохи минутъ.
Циферблаты разбиты на башняхъ высокихъ,
Не льется на площади ровный ихъ свѣтъ
(Словно очи столицы смежили рѣсницы);
Времени болѣе нѣтъ...
Чу! Залпъ!
Смерть, машинально беря на прицѣлъ,
Трескомъ сухимъ разряжаемыхъ ружей
Валитъ въ кровавыя лужи,
Груды причудливо скорченныхъ тѣлъ...
Свинецъ разрѣшаетъ упорные споры,
Въ небо, предъ смертью, вонзаются взоры;
Отблескъ пожара на лица ихъ всѣхъ
Бросаетъ чудовищный смѣхъ...
Вся смерть
Встала въ „призывахъ набата *)...

*) Эм. Верхарнъ. „Стихи современности“, въ переводѣ В. Брюсова. Книгоиз. „Скорпіонъ“.

Испуганные бунтомъ „верхи“ общества въ ужасѣ ждутъ конца. Тщетно „дѣвушка въ черномъ“ предлагаетъ въ красотѣ встрѣтить смерть. Тщетно убѣждаетъ она встрѣтить орды „варваровъ“ танцуя. „Пусть красотою будетъ наша смерть“. Сбившимся въ кучу „породистымъ“ дамамъ и мужчинамъ, зрителямъ, писателямъ, художникамъ, ученымъ и другимъ прислужникамъ людей высшей породы чуждъ призывъ Заратустры зажечь смерть „духомъ вашимъ и добродѣтелью вашей“. Все изжито, все потрачено: и добродѣтель, и духъ. Они и религія оставили и на призывъ „молитесь Богу“ кричатъ: „молитесь дьяволу!“

„Прійди, о, дьяволъ!
Защити насъ, о дьяволъ!

Онъ является въ лицѣ инженера, представителя техники. И инженеръ приноситъ новости. Онъ и его товарищи сдѣлали нѣсколько снарядовъ особенной силы. „Представимъ, напримѣръ, обычную городскую площадь, полную народа, и достаточно одного, двухъ такихъ снарядовъ“ и... „и на кусочки!“. Породистые люди спасены. Смерть безпощадно коситъ ряды голодныхъ. Породистые люди благодарятъ инженера; и даже сама жена хозяина дома становится предъ нимъ на колѣни и, несмотря на то, что отъ него пахнетъ „чѣмъ-то дурнымъ“, что онъ вульгаренъ, все время сморкается въ грязный платокъ и не умѣетъ держаться въ порядочномъ обществѣ,—она все-же предлагаетъ ему: „если

вы захотите, я буду принадлежать вамъ!“ „Мой мужъ позволитъ—вы „нашъ спаситель“!

Финалъ—пораженіе голодныхъ.

Побѣдители отправляются смотрѣть трупы побѣжденныхъ.

Раздается ихъ смѣхъ, радость и властный голосъ „дѣвушки въ черномъ“:

Не издѣвайтесь надъ павшими!

Радость побѣдителей—это радость населенія Парижа Тьера по случаю избіенія коммунаровъ. Тысячи коммунаровъ разстрѣливались тогда при помощи митральезъ, а „породистый“ Парижъ, справляя тризну, наслаждался виномъ, абсентомъ, заглушая оргіями стоны умирающихъ. „Разодѣтыя, какъ у Л. Андреева, декольтированныя дамы и дѣвушки“, осыпанныя драгоцѣнностями, отправлялись съ дѣтьми на кладбище Pere Lachaise и хохотали, издѣвались надъ корчами умирающихъ побѣжденныхъ инсургентовъ.

„Смотрите,—кричали онѣ,—какъ извиваются самки коммунаровъ!“ Звѣриное жестокосердіе мегеръ при этомъ простиралось до того, что иныя изъ нихъ кончиками нарядныхъ зонтиковъ копошились въ ранахъ *). „Потомъ породистые люди заговорили о культурѣ“. Въ „Царь-Го-

*) См. объ этомъ у Анру, „Мертвецамъ коммуны“, у Лиссагарэ, „Исторія парижской коммуны“.

лодѣ“ торжествующіе побѣдители также собираются слушать г. профессора, читающаго лекцію о томъ же интересномъ предметѣ... И въ то время, какъ могильщики съ заступами уже идутъ къ трупамъ, а „Царь-Голодъ“, заклиная „именемъ жизни“, требуетъ отъ труповъ „возстать изъ праха“,—въ мертвомъ полѣ начинается движеніе, хрустъ переломленныхъ костей и далекій тысячеголосый ропотъ отвѣчаетъ:

— Мы еще придемъ!
— Мы еще придемъ!
— Горе побѣдителямъ!

VI.

„Мы еще придемъ“!

Таково содержаніе глубокаго и художественнаго произведенія „Царь-Голодъ“. Эта вещь принадлежитъ также къ числу такихъ, послѣ которыхъ „хочется думать“. Она обнажаетъ трагизмъ соціальной жизни, ставитъ на размышленіе много вопросовъ и прежде всего, въ первую голову—о смыслѣ и содержаніи своего заключительнаго рефрэна: „мы еще придемъ“. Что связывается съ этимъ „еще *придемъ*“ и почему „мы еще *не* пришли“?

Читатель, внимательно прочитавшій „Царь-Голодъ“, легко пойметъ, почему „мы“ оказались побѣжденными и дали торжество вандалистической безпощадности побѣдителей. Не говоря уже объ „отбросахъ“ общества, неспособныхъ ни къ какой организованной борьбѣ и даже, наоборотъ, болѣе склонныхъ „продавать себя для реакціонныхъ козней“ (Марксъ); не говоря уже о деревнѣ, у которой,—вспомните сцену на судѣ, — есть „только попытки къ чему-то человѣческому“,—посмотрите, въ какомъ видѣ рисуетъ Л. Андреевъ даже главную

силу, подымаемую Царь-Голодомъ. Эта сила безсознательна, инертна, двигается лишь по приказу желудка. Это груды кишекъ, а не сознательное сотрудничество людей, знающихъ свои цѣли, пути ихъ осуществленія. „Дай намъ хоть немного свободы“,—умоляютъ они машину. Это сказано хорошо: машина, дѣйствительно, можетъ дать свободу, и не немного, а много. Она освободитъ и освобождаетъ человѣка отъ долгаго, мучительнаго тяжелаго труда и заставляетъ вмѣсто него работать паръ, воду, электричество. Но работающіе себѣ этого не представляютъ; задавленные машиной непосредственно, превращенные въ ея винтики, они не видятъ, кто стоитъ за машиной. Въ машинѣ поэтому они видятъ своего врага и ропщутъ: машиной мы „куемъ собственныя цѣпи“. Дальше, если въ „Интернаціоналѣ“, пѣсни сознательныхъ работниковъ современности, болѣе или менѣе ясно указывается, что средства освобожденія не даются „ни цезаремъ, ни героемъ“ (ni Dieu, ni Caesar, ni tribun“), то этого не сознаютъ бунтующіеся у Л. Андреева работники. „Кто,—спрашиваютъ они,—освободитъ насъ отъ власти машинъ?“ Небо, солнце? Идея самоосвобожденія такъ же чужда имъ, какъ и идея общественнаго самоуправленія; въ ихъ сознаніе еще такъ же вложена идея управленія сверху, какъ вложена въ послѣбрюмерскую конституцію Сіэса идея grand Electeur'а, мѣтко названная Наполеономъ „безплотной тѣнью лѣниваго короля“. „А кто будетъ управлять? Мы не умѣемъ!“—

вотъ вопросъ, который тревожитъ въ молотъ, винтикъ, рычагъ, ремень превращенныхъ работниковъ.

И съ внѣшней стороны они въ описаніи Л. Андреева таковы, что неспособны вызвать какія-нибудь радужныя о нихъ представленія. Одинъ представитель работающихъ („первый рабочій"), могучей фигурой своей напоминающій Геркулеса Фарнезскаго, имѣетъ на огромномъ туловищѣ „слабо развитую голову, съ низкимъ лбомъ и тускло-покорными глазами",—на всемъ лицѣ его отпечатокъ „мучительной бычачьей тупости". Этимъ внѣшнимъ признакамъ соотвѣтствуетъ низкая степень его духовнаго развитія. Своимъ молотомъ онъ могъ бы расколоть землю, „какъ пустой орѣхъ", но что, почему и для чего?—онъ этого не знаетъ. Я точилъ,—говоритъ онъ,—землю, взрывалъ ее, строилъ города, „такъ измѣнилъ лицо земли, что теперь не узналъ бы ея самъ Творецъ", но „я не знаю, зачѣмъ я дѣлалъ это. Чью волю я творилъ. Къ какой цѣли я стремился? *Моя голова тупа*".

Другой представитель („второй рабочій") молодой, но уже умирающій, больной. „Кашляя кровью, улыбается и смотритъ въ небо". Онъ хочетъ „зажечь землю мечтами". Это типъ примитивнаго фантазера-соціалиста, утописта...

„Третій рабочій"—сухой безцвѣтный старикъ, точно вымоченный въ кислотахъ, съѣдающихъ тѣло. Старикъ опытенъ: онъ помнитъ, что Царь-Голодъ неоднократно бунтовалъ работниковъ. Въ бунтѣ убитъ его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, а толку что?—спрашиваетъ онъ. „Ты преда-

тель“,—бросаетъ онъ въ лицо Царь-Голода. „Ты лакей за *ихнимъ* столомъ“. „У *нихъ* ты ходишь съ салфеткой“. Старикъ какъ-будто бы ясно понимаетъ, что *бунтъ* не ведетъ къ цѣли, но его философія не идетъ дальше отрицанія бунта. Таковы представители работающей массы; значитъ, она сама по своему развитію стоитъ еще ниже. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что голодные рабочіе идутъ на призывъ Царя-Голода ломать, уничтожать машины. „Онѣ лгутъ, онѣ обманываютъ, онѣ порабощаютъ васъ“.

Бунтъ противъ „опредѣленной формы средствъ производства“, противъ самихъ машинъ, есть, въ дѣйствительности, одна изъ историческихъ формъ протеста рабочаго, самая ранняя. „Почти вся Европа пережила въ теченіе XVII столѣтія рабочія возмущенія противъ машинъ для тканья лентъ и галуновъ“. „Въ концѣ первой трети XVII столѣтія одна ленточная машина, устроенная какимъ-то голландцемъ близъ Лондона и дѣйствовавшая хорошо, пала жертвой возмущенія черни. Когда Everet, въ 1758 году, построилъ первую машину для стрижки овецъ, приводимую въ движеніе водой, то 100,000 человѣкъ, лишившихся изъ-за нея работы, подожгли ее“. Противъ чесальныхъ машинъ Аркрайта подали петицію 50,000 рабочихъ. Но особенно сильныя движенія (извѣстныя подъ названіемъ движенія луддитовъ), приводившія къ массовому разрушенію парового станка, происходили въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ XIX столѣтія. Слѣдовательно, „необходимо извѣстное время и

извѣстный опытъ, чтобы рабочій научился отличать машину отъ капиталистическаго ея примѣненія и *переносить свои нападки съ матеріальныхъ средствъ производства на общественную форму ихъ эксплоатаціи*" *).

Необходимъ извѣстный уровень сознанія, чтобы не фетишизировать вещи, отличая отношеніе *вещей* отъ отношенія *людей*. Бунтующіе работники не имѣютъ этого сознанія, и вслѣдъ за сломанными машинами горятъ Мурильо, Веласкецъ, Джіорджоне, Рубенсъ, гибнутъ красота, картины, книги...

И все-же даже эти несознательные, темные работники не лишены идеальныхъ стремленій. Когда Царь-Голодъ ставитъ передъ ними роковой вопросъ: поднимайтесь, вы погибнете, но выбирайте, для кого гибель и смерть, для васъ или для дѣтей вашихъ? — суровые, покорные и восторженные голоса отвѣчаютъ: для насъ!

Здѣсь съ силою сказывается присущая классу идеальность стремленій: пусть мы умремъ, но мы будемъ мостомъ, по которому въ лучшее будущее пойдутъ наши дѣти — грядущія поколѣнія. Но, повторяемъ, эта свободная смерть не озаряется свѣтомъ творческаго сознанія. У Л. Андреева нигдѣ не подчеркнутъ творческій моментъ въ движеніи — у него движеніе массъ идетъ подъ знакомъ слѣпого разрушенія, инстинктивной реакціи. Въ уже указанной талантливой вещи Э. Верхарна, наоборотъ, этотъ элементъ подчеркнутъ:

---

*) К. Марксъ. „Капиталъ", т. I. стр. 299—300.

Въ великій безуміемъ день
Пряжу для жизни ликующей прясть,
Иль *жертвой строительной* пасть!
Умирая, творить, обновлять!

Вотъ здѣсь и возникаетъ вопросъ: почему не подчеркнутъ этотъ элементъ въ пьесѣ Л. Андреева? Два возможны толкованія: или потому, что Л. Андреевъ изображаетъ движеніе, взятое въ его ранней формѣ, когда движеніе по существу только носитъ характеръ возмущенія голоднаго желудка, непланомѣрно, неорганизованно, не связано съ сознаніемъ цѣли и путей творчества. Или другое: всякое такое движеніе обречено на гибель, въ немъ отсутствуетъ творческій моментъ.

При послѣднемъ толкованіи рефрэнъ „мы еще придемъ!“ получаетъ ужасное, трагическое значеніе. „Мы еще придемъ“ и снова напитаемъ кровью землю, снова ляжемъ костьми. Вотъ къ чему сводится онъ. И въ такомъ пониманіи соціальная трагедія современности превращается въ проблему трагической безысходности, угнетающую мозгъ теорію соціальнаго пессимизма! Нѣтъ выхода! Человѣчеству суждено биться въ силкахъ зла, ненависти, безумства, преступленія, голода, страшныхъ кровавыхъ столкновеній. Всякія попытки выйти отсюда вонъ, найти выходъ—химеричны. Это шутки Химеры,

которая открываетъ „людямъ ослѣпительныя перспективы съ воздушными замками и отдаленнымъ счастьемъ". Насмѣшки Химеры, которая убаюкиваетъ людей грезами, „льетъ имъ въ душу вѣчное безуміе, проекты счастья, планы будущаго" *).

Для „породистыхъ" людей нѣтъ милѣе этой санкціонирующей status quo философіи. То, что есть, останется на вѣки вѣковъ,—утверждаетъ она.

Но есть другой взглядъ на будущее съ точки зрѣнія людей „непородистыхъ **). „Мы еще придемъ", но уже радостными, смѣлыми и гордыми побѣдителями. На это указываетъ наука, ея выводы никѣмъ не опровергнуты, и дѣло не *разума*, а *воли* уже, какъ говорилъ Фихте, принять и согласиться съ этими предсказывающими выводами.

И въ томъ, что „грядетъ", видимъ мы зарю новой жизни.

Рѣшеніе экономическихъ вопросовъ, упорядоченіе общественнаго производства, регулируемаго организованной общественной волей—прекратитъ разъ навсегда страданія „голода". Самая проблема эта будетъ вытѣснена изъ поля зрѣнія человѣка мощнымъ развитіемъ техники, производительныхъ силъ, не ограничиваемыхъ

---

*) Г. Флоберъ. „Искушеніе св. Антонія".

**) Г-нъ Н. Бердяевъ говоритъ о популярности с.-д. „религіи" среди людей „лишенныхъ породы". Л. Андреевъ съ своей характеристикой „породистыхъ" людей не въ бровь, а въ глазъ попадаетъ г-ну Бердяеву.

теперь уродливой общественной формой. Формы общества будутъ достаточно пластичны и широки, чтобы вмѣстить въ себя всякія техническія революціи.

И на фонѣ рѣшенія проблемы экономическихъ отношеній Людей рѣшатся и многія теперь неразрѣшаемыя проблемы Человѣка.

Прежде всего—рядъ трагедій „я".

Г-нъ Н. Минскій, разсуждая о положеніи „я" какъ личности на грядущихъ соціальныхъ даляхъ, опасается, что и въ будущемъ обществѣ возможны такія положенія, что личность можетъ быть стѣснена и затоскуетъ о „просторѣ одиночества". Забѣгая далеко впередъ, онъ на этомъ основаніи рекомендуетъ „индивидуализму, какъ политической партіи" (?), наблюденіе за тѣмъ, „чтобы зданіе будущаго коммунистическаго общества было построено съ запасными выходами, ведущими личность къ свободѣ и созерцанію" *). Г-нъ Минскій выражается, конечно, очень плохо, говоря о запасныхъ путяхъ для свободы личности и созерцанія. Для этого строить запасные пути рѣшительно не понадобится: будущее общество и не подумаетъ лишать личность ея свободы и созерцанія.

Г-нъ А. Боровой, наоборотъ, полагаетъ, что по части свободы личности дѣло обстоитъ, можно сказать, уже даже слишкомъ хорошо. „Тогда,—говоритъ онъ про будущее,—личность станетъ тѣмъ богомъ, тѣмъ „я", о которомъ

*) Н. Минскій. Соціализмъ и анархизмъ, „Перевалъ" № 6.

когда-то смутно мечталъ одинокій, непонятый Штирнеръ“ *).

Штирнеръ въ „Единственномъ и его собственности“ („Der Einzige und sein Eigentum“), какъ извѣстно, мечталъ о ферейнѣ эгоистовъ. Принципіально же проблема о „ты“ съѣдалась у него все поглощающимъ „я“. „Жизнь отдѣльнаго человѣка имѣетъ для меня значеніе лишь настолько, насколько она цѣнна для меня“. „Я не хочу въ тебѣ признавать или уважать что-либо: ни собственника, ни нищаго, ни человѣка; я только хочу *использовать* тебя“... Ты для меня представляешь только то, что ты есть для меня, а именно *мой предметъ*, а разъ мой предметъ, значитъ, и мою собственность“**). Эти принципы весьма и весьма характерны для „непонятаго“ Штирнера, и жестоко, намъ думается, ошибается г. Боровой, полагая, что будущее дастъ расцвѣтъ для подобнаго рода отношеній между „я“ и „ты“.

Это не болѣе, какъ выраженіе самаго простого эгоистическаго буржуазнаго индивидуализма современности. Г. Боровой, разсматривающій соціализмъ, лишь какъ упреждающую и подготовляющую расцвѣтъ анархическаго индивидуализма формацію, и г. Н. Минскій, опасающійся за судьбы индивидуализма въ будущемъ обществѣ, дѣлаютъ одну и ту же ошибку, разсматривая

*) А. Боровой. Общественные идеалы современнаго человѣчества, стр. 92.

**) Цитирую по Эльцбахеру, „Анархизмъ“, стр. 108, и Штаммлеру, „Теоретическія основанія анархизма“, стр. 314.

индивидуализмъ, эту данную и неизбѣжную при опредѣленныхъ коньюнктурахъ теорію„я“, какъ категорію изъ „цѣнностей будущаго“. Мы же думаемъ, что это ошибка, которую, къ слову сказать, дѣлаетъ и Андрей Бѣлый, говоря, что въ будущемъ государствѣ „индивидуализмъ развѣетъ надъ человѣчествомъ свою пышную крону“ *).

„Любой членъ народнаго трудового хозяйства,—говоритъ онъ же, Андрей Бѣлый,—отработавъ малую толику, будетъ предоставленъ самому себѣ. Заботы о семьѣ, о хлѣбѣ насущномъ не будутъ мучить его“. Это хорошо сказано. Люди будутъ поставлены въ одинаковое жизненное положеніе. Эта одинаковость положенія будетъ выравнивать ихъ опытъ, соціализировать, солидализировать, гармонизировать его, устраняя нынѣшнія противорѣчія, возникающія на почвѣ различія содержаній опытовъ, на почвѣ непониманія „Мною“ „Тебя“. Весьма ограниченныя формы нынѣшняго психическаго общенія людей, ихъ взаимнаго пониманія и взаимной передачи мысли, чувствованій, нюансовъ настроеній, переживаній—разовьются до безконечности. Искусство во всѣхъ его формахъ, ставъ величайшимъ факторомъ въ развитіи будущаго общества, поставитъ себѣ задачу „соціализировать“ и міръ чувствованій. Соціализація міра познанія и міра чувствъ будетъ лишь выраженіемъ уже свершившейся соціализаціи средствъ и орудій производства“

*) Андрей Бѣлый. „Соціалъ-демократія и религія“, стр. 31, кн. 5 „Перевала“.

Я не знаю, о какихъ „высшихъ ступеняхъ культуры“ говоритъ Айседора Дунканъ, но я вмѣстѣ съ нею полагаю, что на дѣйствительно высшихъ ступеняхъ культуры грядущаго общества человѣкъ будетъ стремиться къ тому, чтобы и тѣло было „гармоническимъ выраженіемъ его духовной сущности“, чтобы „душа и тѣло были такъ гармонично развиты, что движенія тѣла были естественнымъ языкомъ души“ *).

Мироны, Праксители, Фидіи, Леохары будущаго научатъ насъ болѣе совершенно понимать „душу“ другого чрезъ тѣло его, и усовершенствованная пластика, мимика, скульптура и т. д. явятся новымъ средствомъ для болѣе глубокаго пониманія, общенія, людей, проникновенія одного въ другого. Будущее человѣчество вспомнитъ „сіяющую, бѣломраморную Элладу“, съ Акрополями, Парѳенонами, вспомнитъ Элладу, забытую и презрѣнную христіанствомъ“. Возродится эллинизмъ, и если въ IV вѣкѣ попытки реставраціи эллинизма Клавдіемъ Юліаномъ окончились трагически, то тогда эллинизмъ, утонченный, одухотворенный, *новый эллинизмъ*, станетъ естественнымъ слѣдствіемъ, выраженіемъ, сочувствіемъ новой культуры. Личность въ своемъ сліяніи съ природой и сліяніи съ другими личностями достигнетъ мощнаго развитія. Ея психическое содержаніе возрастетъ до безконечности, и оно разорветъ узкій, эгоистическій колпакъ „я“, которымъ теперь хочетъ прикрыть его

*) См. Айседора Дункапъ. „Танецъ будущаго“.

воинствующій индивидуализмъ. Рамки „я“ такъ расширятся въ морѣ психическаго единенія, что „я“ и „ты“ исчезнутъ, поглощаясь въ великомъ, могучемъ „мы“.

„МЫ ЕЩЕ ПРИДЕМЪ!“

1. Марксизмъ и г. Столыпинъ.

2. Причины малоземелья крестьянъ.

3. Нѣсколько теоретическихъ предпосылокъ: а) промышленность въ отсталой странѣ, *б)* развитіе производительности земледѣльческаго труда и „законъ убывающаго плодородія почвы", *в)* мелкое и крупное производство въ земледѣліи.

4. Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи.

5. Различные способы рѣшенія аграрнаго вопроса: а) раздѣлъ помѣщичьей земли, *б)* муниципализація, *в)* кадетское рѣшеніе вопроса, *г)* крестьянское движеніе, какъ рѣшающій факторъ, *д)* мѣропріятія г. Столыпина.

Часть II. **Третья Дума, причины ея появленія и ея будущее.**

1. Пораженіе революціи и его причины.

2. Кадеты, какъ претенденты на власть.

3. Характеристика третьей Думы.

4. Ближайшія перспективы.

ЦѢНА 1 р. 10 к.

Изданіе и складъ: книжный магазинъ **„Сотрудникъ Провинціи"**, Москва, уг. Тверского бульвара и М. Бронной ул., д. № 1.
Телефонъ 27-96.

„АНАѲЕМА“.

Посвящается Потомственному Почетному Гражданину **Григорію Петрову.**

Обложка художника **В. В. Гонорекаго.**

ЦѢНА 40 коп.

Изданіе и Складъ: книжный магазинъ „Сотрудникъ Провинціи“, Москва, уг. Тверского бульв. и М. Бронной, д. № 1. Тел. 27-96.